Эхо взрыва 1918 года

Навстречу 650-летию

Сегодня мы поговорим о громком, в полном смысле этого слова, событии, которое произошло 14 мая (1 мая по старому стилю) 1918 года в первый день празднования Пасхи.

Тогда взлетели на воздух артиллерийские склады с боеприпасами для трёх дивизий и полугодовой запас гранат и патронов. Позже установили, что только на территории складов было разрушено и пострадало 184 здания, а в самой Калуге повредило множество домов и выбило огромное количество оконных стекол.

В советских источниках скупо упоминается, что это была диверсия калужской ячейки подпольной офицерской организации «Союз содействия добровольческим армиям», деятельность которой позже пресекли присланные из Москвы сотрудники органов ВЧК.

Не задаваясь изначально вопросом – почему и от чего произошёл взрыв складов, предлагаю ознакомиться с опубликованными в 1998 году воспоминаниями офицера-артиллериста – очевидца событий.

«…В этот раз я приехал в Калугу не то 8, не то 9 мая. Моя хозяйка сразу зашептала, что «эти ужасные белогвардейцы» 14 мая будут делать переворот и для того взорвут весь город…»

Согласитесь, уважаемые читатели, странно: тайная диверсия, а уже за неделю весь город об этом знает?

БОБРУЙСКИЕ СКЛАДЫ

Далее автор вспоминает о самих складах, что очень для нас интересно: «В двух-трех верстах от города, за ручейком, на возвышенности у опушки леса, был расположен Парковый городок. В нем было два жилых дома. Один – управление городка: зимой в этом домике жила рабочая команда, летом – командир со своей семьей и канцелярией. В другом доме было караульное помещение. В Парковом городке было несколько рядов артиллерийских сараев, а в лесу врыты в землю пороховые погреба. В них при определенной температуре и влажности хранились взрывчатые вещества. В сараях стояли орудия и зарядные ящики (с полным комплектом снарядов, но без капсюльных втулок), при них комплекты амуниции – всех частей, формировавшихся во время мобилизации при 3-й артиллерийской бригаде.

Каждый год, осенью и весной, орудия и все ржавеющие части зарядных ящиков протирались и смазывались. То же проделывалось и со снарядами, которые лежали в лотках, но, как я уже сказал, были без капсюльных втулок и дистанционных трубок.

В 1912 или 1913 году пришел срок расходования снарядов, заготовленных для нас в Германии в 1904–1905 годах. (На каждом снаряде было выбито клеймо завода, серия изготовления, год выпуска. На снарядах немецкого изготовления значился двойной год.) При стрельбе оказалось, что 80% шрапнели не разрывалось…»

Это явно описание артскладов известной нам 906-й базы (60-го Арсенала) в Турынино.

Далее автор рассказывает, что: «Между ручейком, что протекал у Паркового городка, и городом (!) было большое поле. На нем помещалась наша ремонтная команда… А вот когда осенью 1916 года я был в Калуге, ничем не прикрытые штабеля снарядов длинными рядами тянулись по всему полю ремонтной команды и в Парковом городке. Всюду, куда ни глянешь, – деревянные ящики со снарядами. Их поливало дождями, засыпало снегом. Нижние ящики, обхлюпанные грязью, почти все время были в воде. При таком хранении, сказал мне знакомый пиротехник, грозит нам весной самовзрывание снарядов. Весной 1918 года снаряды не прибывали, но и не убывали. В Парковом городке и на ремонтном поле их было по-прежнему полным-полно». Позволю себе уточнить, что на дореволюционной карте Калуги, подготовленной начальником городской пожарной команды С. Д. Кудрявцевым, ремонтные бараки и прочие склады как раз и обозначены между речкой Болдасовкой и ж/д веткой Калуга-пристань (Окская ветка МКВЖД) на участке между улицами Бахметьевской (позже Проспект Чернышевского, ныне Пролетарская) и Стеклянников посёлок (ныне ул. Стеклянников сад).

КАК ЭТО БЫЛО

«…К полудню (14 мая) я вернулся в свою каморку, пообедал и прилег. День проходит спокойно… Неожиданно загрохотал гром, раз, другой… Душно – собирается гроза.

Сильный, небывало затяжной громовой удар тряхнул домик. С потолка посыпался песок с пылью. Стены вздрогнули от нового взрыва. В оконцах заныли стекла. В соседней комнатушке что-то зазвенело, упало, покатилось. Старушка-хозяйка руками схватилась за голову и выпаращенными глазами смотрела то на меня, то на дребезжащие стекла. А тут опять грохот, опять со всех сторон по-разному ноет, звенит!..

От Паркового городка все гуще, все черней плывет на нас тяжелая туча дыма и пепла. В дымной густоте у самой земли красным огнем, будто молнии, сверкают букеты разрывов, и грохочет, все время грохочет, да так, как в землетрясение. Земля дрожит под ногами, похоже на извержение вулкана, только, слава Богу, лавы нет. Пахнет едким дымом. Гремит, сверкает.

А в той страшной стороне, откуда все идет, высоко взлетают яркие огни; там, в туче, то выше, то ниже, рвутся они в куски белыми огнями и ревут, как допотопные огнедышащие чудовища! Туча почти закрыла солнце, темно, как при затмении. Сверху сыплется пепел, сажа, падают тряпки, щепки... Что делать? Не стоять же!

Чуть посветлело. Вышел на улицу. Чего только не валяется! Все под ногами, как на пожарище. А под гул разрывов, гигантских фейерверков летит отовсюду все, что смогло оторваться, что плохо держится.

Люди как будто потеряли голову: выскакивают из домов, в едкой мгле бегут, кто куда, задыхаются, кашляют, падают, поднимаются, а бывает, и не встают. Слава Богу, крови не видно!

Народу все больше! По Садовой (ныне им. Кирова) текут рекой люди. У театра злобно смотрят на идущих два пулемета. Им все равно – молчать или тараторить.

Хотя небо проясняется, но земная дрожь длится и гонит всех, старых и малых, в одну сторону – в городской бор! Одна защита у них – лес да вода!..

И я двинулся дальше. А народу на улице почти никого. Прокатились волны страха! На мосту через овраг стояли постовые с винтовками…

А дальше на Тележную… Тут на самой мостовой стояли «максимки». Пулеметчики бывалые: гранатами обложились…

А грохот и пожар по силе сдали, но дым и смрад душат. На улице ни души, собаки не бегают.

В тот жуткий день не растерялись только большевики. Через двадцать-тридцать минут после начала пожара по всему городу были расклеены большие красные объявления за подписями важных большевицких персон. Жителям предлагалось сохранять спокойствие и вылавливать белогвардейцев, устроивших пожар, чтобы в общем замешательстве захватить власть.

Пожар продолжался с двух часов дня до позднего вечера. Когда взрывы грома и молнии стали терять частоту и силу, а небо местами даже поголубело… Из-за театра стали показываться редкие «возвращенцы». Это те, кто первый опамятовался, вспомнил, что бросил на произвол квартиру со всем имуществом, и теперь спешил спасти, что осталось. Да, кажется, в тот день все осталось нетронутым. Весь город потерял голову и бежал. Некому было грабить.

Пожар заканчивался медленно. Взрывы то утихали, то опять бухали, но совсем уже не страшно…

Часам к девяти все успокоилось. Над полем, где когда-то была наша ремонтная команда, стояло широкое зарево. В городе все еще пахло дымом. По улицам двигаться было опасно. Ходили патрули в полуштатском, в полувоенном. Встречных останавливали, проверяли документы и непонравившихся уводили с собой.

А по городу уже ползли новые слухи: ночью от долгого нагрева взорвутся пороховые погреба и город взлетит на воздух…

Но ночь прошла спокойно. Пороховые погреба не взорвались…»

О поиске места взрывов и их причине поговорим в следующий раз.

Снимок сделан с колокольни Благовещенской церкви

Фото А. А. Шидловского сделано с ул. Бахметьевской

Валерий ПРОДУВНОВ.
Фотографии А. А. Шидловского, запечатлевшие взрыв, предоставлены Верой Васильевной Беляевой.

Окончание следует.

1 апреля 1918 года калужский совнарком сделал официальное оповещение, что документы с печатью «Калужский Губернский Совет Народных Комиссаров» являются недействительными и впредь все документы будут издаваться с печатью «Совет Народных Комиссаров Калужской Советской республики».